

И.А. Киргинцева

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Военный университет Министерства обороны РФ
Москва, Россия, kirginira@yandex.ru*

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу состава структурно-содержательных компонентов понятия «терроризм» в русском языке. Сопоставление данных, полученных в ходе разных экспериментов, позволяет определить, выявить и проанализировать изменения, произошедшие в содержании данного понятия у носителей русского языка за последние 35 лет, и установить значение анализируемого понятия, психологически реальное для носителей исследуемой лингвокультуры.

Ключевые слова: понятие; терроризм; психологически актуальное значение слова; свободный ассоциативный эксперимент; дефиниционный анализ.

Поступила: 24.04.2017

Принята к печати: 10.05.2017

I.A. Kirgintseva

Structural and semantic specificity of the concept «terrorism» in Russian language

*Military university of the Ministry of defense of the Russian Federation
Moscow, Russia, kirginira@yandex.ru*

The article contains a comparative analysis of the content of structural and semantic components of the concept «terrorism» in the Russian language. The comparing various experimental results makes it possible to reveal, define and analyze the changes in the semantic content of the concept that have taken place in the minds of Russian native speakers over the last 35 years, and define the meaning of the analyzed concept that is psychologically relevant for the Russian people.

Keywords: concept; terrorism; psychologically relevant meaning of the word; free associative experiment; definitional analysis.

Received: 24.04.2017

Accepted: 10.05.2017

Введение

Общеизвестно, что особую проблему при переводе текста / устной речи представляет несовпадение структурно-содержательного состава понятий, обозначаемых соотносимыми словами. Несовпадение касается всех групп слов, однако наиболее значимо оно в составе политической лексики. При этом важно подчеркнуть, что изменение семантики слов, как правило, опережает лексикографическую практику, а потому в речевых произведениях, в том числе текстах, реализуются не отмеченные словарями, но психологически актуальные значения слов. Следовательно, при анализе структурно-содержательного состава лексики необходимо учитывать как минимум четыре источника: лексикографические данные, отражающие динамику изменения семантики лексемы; данные ассоциативных словарей, фиксирующие наиболее актуальные варианты лексем в разное время существования слова; экспериментальные данные, проявляющие психологически актуальные в настоящее время варианты значения лексемы; текстовые данные, в том числе и содержащиеся в корпусах национальных языков.

С целью установления характера динамики значения слова *терроризм* и его содержательной структуры мы обратились ко всем этим источникам. При этом, во-первых, сравнивалось содержание лексемы, обозначающей анализируемое понятие, по толковым словарям разных лет издания, отражающих разные периоды эволюции семантики слова. Во-вторых, мы обратились к Русскому ассоциативному словарю под редакцией Ю.Н. Карапулова [Русский ассоциативный словарь, 2002] и обнаружили, что слова, обозначающие понятие «терроризм», в исходный набор стимулов эксперимента не входили. Этот словарь создавался на базе среза русского языка конца 80-х – середины 90-х годов XX в. А согласно частотным словарям русского языка под редакцией Э.А. Штейнфельдт и Л.Н. Засориной, составленных в 1963 и 1977 г. соответственно, слово «терроризм» не входило в число наиболее частотных лексем русского языка [Штейнфельдт, 1963; Частотный словарь..., 1977, с. 709]. Резкий рост числа терактов в мире и в России и, как следствие, актуализация понятия «терроризм» произошли лишь в конце XX в., о чем также свидетельствуют и данные Национального корпуса русского языка, согласно которым частота употребления словоформ лексемы «терроризм» в русскоязычных текстах за 23 года (с 1980

по 2003 г.) выросла примерно в семь раз [Национальный корпус русского языка – эл. ресурс].

Исследование: Основная часть

Наиболее ранним из исследованных нами лексикографических источников является словарь Д.Н. Ушакова, первое издание которого вышло в 1935 г. Следовательно, реально этот словарь отражает срез русского языка конца 20-х – начала 30-х годов. Терроризм в нем определяется как «деятельность террористов» и «тактика, политика террора», т.е. «физического насилия по отношению к политическим врагам» [Толковый словарь..., 1940, с. 693–694]. Таким образом, семантическая структура слова по данным этого словаря включает следующие компоненты: «деятельность», «тактика», «политика», «физическoe насилие», «политические враги».

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова 1952 г. издания не предоставляет дефиницию лексемы «терроризм», однако террор в нем определяется как «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства, по отношению к политическим противникам» [Словарь русского языка..., 1952, с. 735–736]. Дефиниционный анализ данной лексемы показывает, что актуальными семантико-структурными элементами являются следующие: «физическoe насилие», «уничтожение», «убийство» и «политические враги». Возникли две новые семы.

Малый академический словарь под редакцией А.П. Евгеньевой отражает уже иной срез русского языка, а именно относящийся к концу 70-х годов XX в., и определяет терроризм как «политику и тактику террора», т.е. «(политику устрашения, подавления политических противников насильственными мерами (преследованиями, убийствами и т.д.))» [Словарь русского языка, 1981, с. 359]. В данном словаре в дефиниции терроризма как политики и тактики террора впервые частично фигурируют цели насильственных действий в отношении политических противников, а именно «устрашение» и «подавление», что отражает и первоначальное значение слова: латинское слово *terror* обозначало «страх» и «ужас» [там же, с. 359]. Таким образом, в результате анализа данной дефиниции выделяются еще три семы в значении слова «терроризм»: «устрашение», «подавление» и «преследование».

Представим также данные из Нового словаря русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой, который отражает более близкий к современному этап развития языка. Согласно этому словарю, терроризм – это «деятельность террористов» и «политика террора», т.е. «угрозы физической расправы по политическим или каким-либо иным мотивам» или «запугивания с угрозой расправы или убийства» [Ефремова, 2000]. В данном словаре в семантическом составе слова «терроризм» впервые появляется элемент «угроза физической расправы» в противовес указанному в более ранних лексикографических источниках однозначному «физическому насилию». Также впервые появляется элемент «неполитические мотивы». Налицо развитие семантической структуры лексемы.

Обратились мы и к правовому источнику, а именно к Федеральному закону от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», в котором терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [Федеральный закон... – эл. ресурс]. Актуальными семантико-структурными элементами являются следующие: «идеология», «насилие», «практика», «воздействие на принятие решений», «органы власти», «международные организации», «устрашение» и «противоправные действия».

Таким образом, с течением лет структура значения слова усложняется вместе с актуализацией явления и соотносимого с ним понятия. В связи с изменением состава понятия само явление терроризма начинает входить в число уголовно наказуемых, преступных видов деятельности. При этом в ядро понятия входят смысловые компоненты «деятельность», «тактика», «политика», «идеология», «насилие», «угроза», «уничтожение», «убийство», «подавление», «устрашение», «воздействие» и «противоправные действия».

Эксперимент

Пилотный свободный ассоциативный эксперимент был проведен 1–17 марта 2017 г. Респондентами стали 336 человек женского и мужского пола в возрасте от 17 до 22 лет, проходящие

обучение в высших учебных заведениях по гуманитарным, юридическим и техническим специальностям. Люди в этом возрасте считаются наиболее активными в социальном, психологическом и речедеятельностном планах. Это позволяет считать произведенную выборку репрезентативной для определенной группы носителей русского языка.

Задачей респондентов было указать первую вербальную реакцию на каждое из десяти стимульных слов, представленных в анкете, среди которых одно (*терроризм*) связано с изучаемым понятием, все остальные – дистракторы. Ассоциаты на слова-стимулы представлялись письменно.

Сопоставление полученных в ходе ассоциативного эксперимента данных с результатами дефиниционного анализа лексикографических данных разных лет позволило установить значение анализируемого понятия, не зафиксированное в соотносимых с ним лексемах, а психологически актуальное для носителей исследуемой лингвокультуры.

Наиболее частотной реакцией в нашем эксперименте стала реакция – зло; ее указали 17,3% испытуемых. И это неудивительно, учитывая, что в период обучения респондентов в средних образовательных учреждениях с ними регулярно проводились беседы, классные часы и внеклассные мероприятия под эгидой высших органов государственной власти Российской Федерации. Памятная дата «День солидарности в борьбе с терроризмом» была установлена в России в соответствии с федеральным законом от 2005 г., и с тех пор каждый год 3 сентября в российских средних и высших образовательных учреждениях проходят соответствующие мероприятия, школьники разных возрастов ежегодно пишут сочинения на тему «Терроризм – зло против человечества». Таким образом, у школьников формируется представление о том, что терроризм – зло, при этом воспитатели не прибегают к сложной трактовке понятия как противоправной деятельности через Уголовный кодекс Российской Федерации. Кроме того, обострение социально-политической обстановки в мире приводит к постоянному увеличению количества сообщений в СМИ о различных терактах, что способствует актуализации исследуемого понятия.

Показательно, что среди наших респондентов 156 человек углубленно изучают юридические науки, однако реакции *статья* и *статья 205* указаны лишь двумя респондентами, что составляет

менее 1% от общего числа опрошенных. Общую, эмоционально недискретную оценку отражает реакция *плохо*, которую дали 1,8% респондентов и которая свидетельствует об отсутствии личностного смысла, связанного с понятием «терроризм». 1,8% опрошенных дают реакции *преступление, преступность и противоправные действия*.

На втором месте по частотности – реакции, связанные с текущими событиями в Сирии и непосредственно террористической группировкой «Исламское государство», – их дали 13,9% респондентов, двое из которых даже указали в анкете, что данная группировка запрещена в РФ на основании решения Верховного суда РФ.

Среди прочих культурно обусловленных реакций нами выделены одиночные реакции *Басаев, башни-близнецы, Беслан, Будённовск и Саддам Хусейн* – в целом 15,5% от общего числа реакций, которые свидетельствуют скорее о наличии имен-символов, связанных с терроризмом, чем о личностном осознании значения этого слова. При этом доля понятийных реакций, соответствующих ядру понятия «терроризм», составляет 12,8% от общего количества реакций, из них большая часть приходится на реакцию *угроза*, ставшей третьей по частотности в проведенном эксперименте.

Преобладание количества культурно обусловленных реакций над количеством понятийных говорит о том, что современный носитель языка нечетко представляет себе значение понятия «терроризм».

В большинстве исследований, связанных с понятием терроризма, особое место отводится ассоциативной связи между данным явлением и вероисповеданием ислама. В нашем эксперименте реакции *ислам, вахабизм, Аллах, Аллаху акбар, ваххабиты, джихад, джихадист, радикальные исламисты, шахидка и шахиды* составили 4,2% от общего числа ответов, что отражает культурную реалию: в последнее время подавляющее количество терактов в мире совершаются именно последователями Мухаммеда, что заставляет общественность забыть о существовании прочих религиозных террористических движений, например сионистских или христианских.

Заключение

Необходимо отметить незначительное количество реакций, связывающих стимул с терминологическим содержанием исследуемого понятия; актуальность ассоциатов, отражающих культурные реалии; стереотипность подавляющего большинства реакций: *болезнь, беда, проблема, анархия, бедствие, бесчеловечность, бич человечества, боль и опасность, бремя изгоев, грех, мировая проблема, чума, терроризму нет*. Такие реакции свидетельствуют об отсутствии актуального психологического содержания; как таковое оно проявляется только в одной реакции – *ненавижу*.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1029 с.
2. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 01.03.2017.)
3. Русский ассоциативный словарь: В 2 т.: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Карапулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарапов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1. – 784 с.
4. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; под общ. ред. акад. С.П. Обнорского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 848 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 4: С – Я. – 797 с.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. инт «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – Т. 4: С – Ящурный. – 1500 с.
7. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета от 10.03.2006 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (Дата обращения: 01.03.2017.)
8. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
9. Штейнфельд Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. – Таллин, 1963. – 316 с.

References

1. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. – M.: Russkij jazyk, 2000. – 1029 s.
2. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [The Russian national corpus]. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.ruscorpora.ru> (Data obrashhenija: 01.03.2017.)
3. Russkij associativnyj slovar' [Russian associative dictionary]: V 2 t.: Ot stimula k reakcii: Ok. 7000 stimulov / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov. – M.: Astrel: AST, 2002. – T. 1. – 784 s.
4. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language] / Sost. S.I. Ozhegov; pod obshh. red. akad. S.P. Obnorskogo. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1952. – 848 s.
5. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]: V 4 t. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Russkij jazyk, 1981. – T. 4. S – Ja. – 797 s.
6. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. – M.: Gos. in-t «Sov. jencikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940. – T. 4: S – Jashhurnyj. – 1500 s.
7. Federal'nyj zakon ot 06 marta 2006 g. N 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» (Federal law No. 35-FZ on Counteraction of terrorism dated March 6, 2006). – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (Data obrashhenija: 01.03.2017.)
8. Chastotnyj slovar' russkogo jazyka [Frequency dictionary of the Russian language] / Pod red. L.N. Zasorinoj. – M.: Russkij jazyk, 1977. – 936 s.
9. Shtejnfel'dt Je.A. Chastotnyj slovar' sovremennoj russkogo literaturnogo jazyka [Frequency dictionary of the contemporary Russian literary language]. – Tallin, 1963. – 316 s.